

УДК 1 (091) (410)

**ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Н.В. Погукаева

Погукаева Наталия Вячеславовна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. (Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30).
E-mail: pogukaeva@mail.ru

В статье анализируется роль концепта «доверие» в рамках информационного общества. С использованием сравнительно-исторического метода даны ключевые характеристики информационного общества. Обосновывается тезис о том, что социальная теория доверия достаточно разработана, но не имеет адекватного инструментария. Современные исследования направлены на разные аспекты феномена доверия. Являясь ключевой характеристикой развитого общества, доверие представлено на двух уровнях: индивидуальном и социальном (доверие общественным институтам и правительству в целом). Показано, что доверие обеспечивает прогресс.

Успех самоактуализации общества напрямую зависит от широко распространенного элемента культуры, которым является доверие. Автор считает, что доверие является продуктом традиционного общества, основанного на принципах абсолютной веры, обеспечивающей уверенность в действиях каждого человека. Оно иррационально и относится к «чувству веры». Современная социология при этом определяет доверие в качестве продукта рациональной активности субъекта, основанного на рефлексии. Социологические опросы, проведенные в конце 1990-х начале 2000-х гг. в России, иллюстрируют факт низкого уровня доверия в целом. Утверждается, что информационное общество нуждается в доверии, обеспечивающем диалог и свободу социальной коммуникации.

Ключевые слова: Доверие, информационное общество, рациональность, социальные коммуникации, информационное общество.

Во второй половине XX века в развитых странах произошли существенные изменения, известные сегодня в терминах «информационно-ориентированное общество», «век информации» и «постиндустриальная эпоха».

В настоящее время нет общепризнанной точки зрения относительно того, что именно можно назвать концепцией информационного общества. Японская версия термина «информационное общество» (*johoshakai*, *johokashakai*) появилась во время разговора известного архитектора Кишо Курокава (*Kisho Kurokawa*) и историка и антрополога Тудао Юмесао (*Tudao Umesao*) в 1961 году [1. С. 5]. Позднее, в 1964 году, исследования были отданы в типографию. Главный редактор позволил себе исправить исходное название и написал «Социология в информационных обществах». Сегодня почти невозможно определить, кто был первым.

Теория информационного общества также была представлена такими исследователями, М. Порат, (*M. Porat*), М. Рубин (*M. Rubin*), Й. Масуда (*Y. Masuda*) [2, 3].

По версии футуролога Э. Тоффлера (*A. Toffler*), информационное общество в Соединенных Штатах появилось в конце 1950-х годов [4]. Проблема определения понятия «информационного общества» состоит в разных основаниях и критериях, обозначенных разными авторами. Главными аспектами информационного общества, в соответствии с теорией Д. Бэлла (*D. Bell*), выступают: экономика, техника, методология и информация в качестве ключевого критерия.

Японский социолог Й. Масуда (*Y. Masuda*), сравнивая промышленное и информационное общество, делает вывод о наличии в информационном обществе передовых технологий, расширенных границ знания и познания, информационного пространства, особой ценности времени [3. С. 65].

Французский философ-постмодернист Ж. Лиотар (*J.F. Lyotard*) утверждает, что «знание, в течение последних нескольких десятилетий, стало принципом ... производительной силой. Знание превратилось в товар» [5. С. 22].

Все назначенные измерения современного общества исходят из повышения роли знаний, которые непрерывно трансформируются в информацию. Э. Тоффлер утверждает, что зна-

ние есть центральный ресурс в экономике информационного общества. В таком контексте можно использовать термины «общество знаний» («knowledge society») или «общество, где знание – ценность» («knowledge-value society»)

Таким образом, знания и информация находятся в диалектической взаимосвязи. Такое предположение возможно на основании того, что «знание» и «информация» исходно разноплановы. Согласно Л. Карваликсу (L. Karvalics), в XX веке наиболее развитые страны постепенно входят в состояние информационного общества, и ожидается, что в течение нескольких десятилетий большинство населения мира будет жить и работать в глобальном информационном обществе [1].

Автор подчеркивает изменчивость и нестабильность знания в контексте информационного общества. Сегодня невозможно себе представить «статичное» знание, подобное тому, что было в эпоху Аристотеля, когда истина была неизменна в течение длительного времени.

Сегодня фундаментальная наука развивается в новых условиях, когда информация не находится под контролем. Человеческое сознание утопает в информации, это позволяет говорить о новом типе ментальности, отличной от классического рацио.

Э. Тоффлер назвал эти изменения «третьей волной», утверждая, что это такие же логичные и закономерные изменения, как и предыдущие два: переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству и дальнейший переход от сельского хозяйства к промышленному. Эти изменения основаны на взаимодействии многих элементов: источники энергии, производство, система распределения, семья, образование, форма организации бизнеса, искусство, связь и обмен информацией.

Экономика, имеющая своей целью наращивание богатства, в смысле Аристотеля, выделявшего «экономию» и «хрематистику» [6. С. 56], постепенно становится экономикой обслуживания. (Во времена Аристотеля стремление к умножению денежного богатства не было нормой поведения, оно, скорее, вообще не вписывалось в устоявшийся порядок жизни. Подобный порядок вещей обусловил особенности представления Аристотелем целей хозяйственной деятельности, в соответствии с которыми он выделял две сферы, которые назвал «экономия» и «хрематистика»). Обычный рабочий информационного общества реже занят на заводе или автомобильном производстве, а чаще в банке, в сфере программного обеспечения, ресторане, университете или социальной службе. Роль рацио, информации и интеллекта, воплощенная в людях подобно передовым машинам, сегодня является всесторонней. Глобально знание, представленное в форме информации, распадается на информационные потоки, которые «путаются», «мелькают», «пульсируют», охватывая культуру всесторонне [7. С. 116]. Ручной труд количественно заменен интеллектуальным. Производство глобализировано, информационные технологии все более доступны, и как следствие, происходит более легкое информационное распределение через национальные границы и быстрые средства коммуникации – телевидение, радио, факс и электронную почту. Существующие в течение долгого времени границы культурных сообществ размыты.

Общество, основанное на информации, дарует большой выбор возможностей и «кажущейся свободы»: свобода выбора телевизионных каналов, дешевых или дорогих торговых центров или друзей в Интернете; возможностей, которые приобрели сегодня неограниченный характер. Информационное общество в сравнении с традиционным имеет большое количество коммуникаций, но чрезвычайно низкие социальные связи.

Важным изобретением социологии XX века является идея о том, что моральные ценности и моральные нормы не являются простыми ограничениями, налагаемыми на человека. Сегодня ценности, разделяемые обществом, составляют социальный капитал, состоящий из физического капитала (земля, здания и машины) и человеческого капитала (способности и знания). Социальный капитал в связи с этим составляет экономическую ценность и является предпосылкой всех форм общественного предпринимательства, которые сегодня существуют в современном обществе, от работы в универсаме до приемной в правительстве. Люди тратят свои возможности и способности в угоду партнерству и социальным связям, даже если это ограничивает их свободу выбора, но дает возможность коммуникации. Социальные ценности, такие как честность, взаимность и реализация обязательств, не являются предметом выбора, подобно этическим ценностям, однако имеют ощутимую ценность и способствуют групповому дости-

жению общей цели. Настоящее сообщество скреплено ценностями, нормами, опытом, разделяемыми членами сообщества. Это свидетельствует о глубоких слоях ценностей, которые ощущаются сообществом. Доверие есть концепт внутри этих глубинных ценностей. Как только люди начинают пытаться освободиться от своих традиционных связей с их семьями, друзьями, коллегами, они начинают искать способы сохранения социальной коммуникации. Иногда случается, что выбор коммуникации дает ощущение одиночества, дезориентации и тоски по более глубоким и постоянным отношениям. Может показаться, что чаще субъект хочет нарушить правила, которые кажутся ему неважными, нечестными и неправильными. Но в то же время все новые, необходимые для индивидуума правила дают ему возможность для новых форм сотрудничества и новых ощущений взаимодействия.

Эта ситуация снижения социальных связей информационного общества актуализирует проблему доверия как ценности и формы благополучия.

Экспликация феномена доверие представлена в рамках философии, социологии и культурологии. Доверие выявлено в разных слоях культуры и разных формах человеческого сознания: от обыденного до политического. Американский философ Ф. Фукуяма представляет доверие в качестве ключевой характеристики развитого общества [8. С. 176]. Доверие определяет прогресс и гарантирует успех развитого общества. В современном обществе доверие выступает одним из важнейших источников разработки связи и механизмов коммуникации. Современное взаимоотношение государств выводит проблему на глобальный уровень далеко за пределами местных заявлений и этнических меньшинств. В частности, доверие, например в науке, проявляется через формирование новых организационных форм научной деятельности. Основанием этому является открытость ученых для взаимодействия. Формирование такой открытости для взаимодействия стало обусловлено увеличением степени мобильности ученых. Если в XIX – первой половине XX вв. общение ученых осуществлялось посредством личных контактов между ними и при этом ученые не оспаривали своей национально-государственной принадлежности (например, эпизод с отзывом П.Л. Капицы обратно в СССР из Англии в 1930-е гг., где он работал в лаборатории Э. Резерфорда.), то в настоящий момент формируются интернациональные коллективы без очевидной национально-государственной дифференциации. Ученые все более становятся «гражданами мира», значительно более свободными от государственных ограничений, чем это было ранее. В связи с этим можно отметить, что «руководство России в очередной раз выбирает вариант развития науки и национальной инновационной системы в целом, в которой доминирующую роль будет снова играть государство» [10. С. 119] Тем самым Россия фактически выпадает из тех общемировых тенденций развития, которые связаны с интернационализацией науки, а значит, минимизируется опора на доверие, доверие в науке и научном сообществе. Как следствие, сокращается доля участия отечественных ученых в международных научно-исследовательских проектах и программах, сокращается доля отечественных студентов, обучающихся за государственный счет в зарубежных вузах, и пр.

Автор подчеркивает, что доверие – это основа эффективных коммуникаций без каких-либо исключений, формирующая границы общества. «Культура доверия выступает в качестве основания целостного мироотношения человека, которое может позволить выстраивать как рациональные, так и иррациональные способы взаимодействия, направленного на сотрудничество». [11. С. 60]

Специфические черты этой проблемы указывают на обширный интерес к теории доверия в разных областях науки.

В 90-е годы XX века стало совершенно очевидно, что система ценностей традиционного общества сильно изменилась. Преобразования, которые случились в развитых странах, являются сложными и неоднозначными. Эту ситуацию можно охарактеризовать под общим заголовком «рост индивидуализма». Согласно оптимистическому сценарию развития современности, коммуникации не исчезли полностью. Вместо этого обязательные связи и обязательства, основанные на унаследованной принадлежности к социальному классу, религии, расе, национальности, будут заменены коммуникациями, принятыми на добровольной основе.

Люди не становятся менее связанными друг с другом; просто они поддерживают отношения только с теми, кого выбирают. Интернет в каком-то смысле дает технологию, которая обеспечивает возможность развивать добровольные социальные связи до степени, о которой

раньше невозможно было даже мечтать. Сегодня можно общаться с людьми из всех регионов и стран практически на любые темы и интересы, от Сахаджа Йоги до мексиканской кухни, независимо от географического положения участников коммуникации.

Как отмечается в исследованиях П. Бергера (P. Berger), Р. Дарендорфа (R. Dahrendorf) и др. [12, 13], современный коллапс не ограничивается только парализацией связей, по-прежнему есть социальные связи, основанные на свободе выбора, создающие основу современного общества. Таким образом, люди ставят под сомнение авторитет не только тиранов, но и демократически избранных должностных лиц, ученых и преподавателей. Ограничения, связанные с браком и семейными обязанностями, раздражают их, хотя они были добровольно приняты.

Индивиды не хотят быть чрезмерно связанными религиозными догмами, даже если они добровольно ходят в церковь, исповедуя религию, но также могут в любое время покинуть ее по собственному желанию.

Индивидуализм – фундаментальная ценность современного общества – незаметно начинает переход от независимости свободных к эгоизму, целью которого является максимизация личной свободы, не думая об ответственности перед другими людьми. Р. Патнэм (R. Putnam) [14] утверждает, что в Соединенных Штатах Америки люди со временем испытывают все меньше и меньше доверия к государственным институтам, чем друг к другу. Подобная точка зрения подтверждается В. Раном (W. Rahn) и Д. Бремом (J. Brehm) [15]. Их исследование основано на опросе общественного мнения, который показал, что гражданские обязательства являются хорошим показателем уровня доверия. Тем не менее данные говорят о том, что доверие и участие в группах, безусловно, не связаны друг с другом. Хотя совершенно определено есть снижение уровня доверия в обществе. Это возможно наблюдать в России и в большинстве развитых стран Запада. Доверие ко многим традиционным институтам власти – таким как правительство, армия, полиция – снижается. Степень соответствия своего поведения этическим нормам, являющаяся краеугольным камнем доверительных отношений, как показывают опросы, становится меньше.

Доверие является побочным продуктом сотрудничества социальных норм, образующих социальный капитал. Если это так, то опросы общественного мнения, проведенные Ф. Фукуямой, показывают четкую картину снижения доверия в Соединенных Штатах Америки. «В 1958 году 73 % опрошенных американцев декларировали, что они доверяют федеральному правительству и характеризуют свои действия как правильные «в большинстве случаев», или «почти всегда». К 1994 году этот рейтинг упал до 15 %, хотя в 1996–1997 гг. уровень доверия вновь вырос» [9. С. 205] Подобное происходило в конце XX века. Соответственно, число тех, кто не доверяет правительству «в целом никогда» или «только иногда», увеличилось с 23 % в 1958 году до 71–85 % в 1995 году [8. С. 86–92].

В то время как общественное доверие рухнуло, индивидуальное доверие возросло путем создания отношений сотрудничества между гражданами. Ответы на вопрос «Не могли бы вы сказать, что мы не можем доверять большинству людей, или мы не должны быть очень доверчивы с людьми?» показывают, что с XIX по XX век происходила тенденция к росту недоверия.

Положительно, что россияне доверяют лидирующей политической партии. 65 % опрошенных отметили доверие к партии «Единая Россия» (по данным, представленными в докладе Всероссийского центра изучения общественного мнения). В то же время, по данным «Фонда общественного мнения», люди не доверяют качеству образования и медицинских услуг. Мы не должны забывать, что само по себе доверие не моральная ценность, но оно породило в обществе производство, оно возникает, когда люди выделяют стандарты честности и взаимности в отношениях, тем самым они способны общаться друг с другом.

Врагом доверия является эгоизм, однако измерить уровень эгоизма трудно. Есть мнение, что люди в России и Америке сейчас более эгоистичны, и эта тенденция растет. В социологических исследованиях группового эгоизма российского общества А. Некушкин [16. С. 8] утверждает, что в настоящее время в России существует высокая степень дезинтеграции общества, несоответствия в социальном взаимодействии социальных групп и слоев, разделение социальных и статусных позиций, нравственных норм.

Гуманитарная наука имеет свою, уже достаточно длинную историю изучения феномена доверия. Однако еще много нерешенных вопросов и противоречивых точек зрения, существ-

вующих благодаря трансформации концепта доверия в современную науку. На сегодняшний день возможно выделить два сложившихся подхода в интерпретации феномена доверия. Приверженцы первого подхода считают доверие продуктом традиционного общества, основанного на абсолютной истине и вере, где один индивид был уверен в действиях другого. Доверие в данном случае иррационально и относится к «чувству доверия», ощущаемого людьми. Второй подход утверждает, что доверие – продукт рационального мышления и когнитивных процессов, основанный на рефлексии. Наличие бинарных подходов доказывает необходимость доверия как фактора развития социальных коммуникаций и благополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Karvalics L. Information Society – what is it exactly? (The meaning, history and conceptual framework of an expression). – Budapest, 2007. – P. 5–25.
2. Porat M., Rubin M. The information economy: development and measurement. – Washington. 1987. – 170 p.
3. Masuda Y. The information society as post-industrial society. The world future society. – Tokyo, IIS, Washington D., 1980. – 165 p.
4. Toffler A. Future Shock. – New York: Bantam Books, The accelerative thrust, 1970. – P. 19–32.
5. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. – 150 с.
6. Чмыхало А.Ю. История труда и предпринимательства. – Томск, 2013. – 175 с.
7. Погукаева Н.В. Тематический анализ науки в контексте новой онтологии // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2 – URL: www.science-education.ru/116-12467 (дата обращения: 21.01.2015)
8. Fukuyama F. Trust: The social Virtues and the Creation of Prosperity. – London: Free Press, 1995. – 430 p.
9. Fukuyama F. Trust: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. – London: Free Press, 1996. – 368 p.
10. Чмыхало А.Ю., Ардашкин И.Б. Перспективы развития науки и инноваций в современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4 (28). – С. 111–122.
11. Ардашин И.Б. Доверие в науке и религии: к вопросу о становлении культуры доверия // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 370. – С. 56–60.
12. Berger P. A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovery of the Supernatural. – New York: Anchor Books, 1990. – 140 p.
13. Dahrendorf R. Class and class Conflict in Industrial Society. – Stanford: Stanford University Press, 1959. – P. 241–248.
14. Putnam R.D. Bowling Alone: America’s Declining Social Capital // Journal of Democracy. – 1995. – V. 6. – P. 65–67.
15. Rahn W., Brehm J. Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // American Journal of Political Sciences. – 1997. – V. 41. – P. 999–1023.
16. Некушкин А. Групповой эгоизм в российском обществе: социологический анализ. – Ростов н/Д, 2007. – 261 с.

REFERENCES

1. Karvalics L. Information Society – what is it exactly? (The meaning, history and conceptual framework of an expression). Budapest, 2007, pp. 5–25.
2. Porat, M, Rubin, M The information economy: development and measurement. Washington. 1987, 170 p.
3. Masuda Y. The information society as post-industrial society. The world future society. Tokyo, IIS, Washington D. 1980, 165 p.
4. Toffler A. Future Shock. New York Bantam Books, The accelerative thrust, 1970, pp. 19–32.
5. Liotar J. Sostoyanie postmoderna [Postmodern condition]. Sankt Peterburg, 1998, 150 p.

6. Chmihalo A.U. Istoriya truda i predprenimatelstva [History of Labour and Entrepreneurship]. Tomsk, 2013, 175 p.
7. Pogukaeva N. Tematicheski analiz v contecste novoi ontologii [Thematic analysis of science in the context of the new ontology] // Modern problems of science and education, 2014, no 2. Available at www.science-education.ru/116-12467 (accessed 21 January 2015).
8. Fukuyama F. Trust: The social Virtues and the Creation of Prosperity. London. Free Press, 1995, 430 p.
9. Fukuyama F. Trust: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. London. Free Press, 1996, 368 p.
10. Chmihalo A.U., Ardashkin I.B. Perspektivi razvitiya nauki i innovaci v sovremennoi Rossii [Prospects for the development of science and innovation in modern Russia] // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 2014, no. 4 (28), pp. 111–122.
11. Ardashkin I.B. Doverie v nayke i religii: k voprosy o stanovlenii kulturi doveriya [Trust in science and religion to the question of a culture of trust] // Tomsk State University Journal, 2013, no. 370, pp. 56–60.
12. Berger P. A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovery of the Supernatural. New York. Anchor Books, 1990, 140 p.
13. Dahrendorf R. Class and class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959, pp. 241–248.
14. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy, 6, 1995, pp. 65–67.
15. Rahn W., Brehm J. Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital. American Journal of Political Sciences, 1997, vol. 41, pp. 999–023.
16. Necushcin A. Grupovoi egoism v rossiskom objestve: sociologicheskiiy analiz [Group egoism in Russian society: the sociological analysis]. Rostov na Donu, 2007, 261 p.

Поступила 13.03.2015 г.